

Йосеф Догнал
(Брно, Чехия – Трнава, Словакия)

К ВОПРОСУ О ДОБРЕ В ПОВЕСТИ М.П. АРЦЫБАШЕВА
«СМЕРТЬ ЛАНДЕ»

Abstract: The article concentrates on the question of good as shown in the hero of the story by Mikhail Artsybashev. While the hero embodies the life in absolute good in accordance with his belief his life ends by death in solitude in an unknown forest. Trying to be good and not to use violence Lande tries to act only by his words. His way of handling situations could hardly be understood by others causing them problems and bringing them in very strange situations sometimes. At the end there is a wall of misunderstanding between Lande and the other heroes of the story. The perfectly good man seems therefore as a writer's construct used to prove that good has to be compatible with the natural needs of men and women including also the needs of the flesh. The story seems to stand in opposition to another work by Artsybashev – to his novel Sanin.

Keywords: M. P. Artsybashev, The Death of (Ivan) Lande, good and evil

Конец века приносит целый ряд изменений, которые заставляют задуматься над человеческой личностью и нормами ее поведения так же, как и над тем, откуда эти нормы берутся, кем и как они заданы. Неудивительно, что появляются произведения, в которых отчетливее, чем раньше, поднимаются именно вопросы об основных моральных категориях, к которым принадлежит в качестве одной из основных и вопрос о добре.

Одним из произведений, которые можно приурочить именно к разряду «о морали и ее корнях спрашивающих», принадлежит, несомненно, и повесть Михаила Петровича Арцыбашева «Смерть Ланде». Она появилась впервые в 1904 году и является, по нашему мнению, важной попыткой писателя откликнуться на один по сути дела экстремальный подход к добру. Интересна история создания повести, которая возникла позже, чем «скандальный» роман писателя – «Санин» написан в 1902 или в 1903 году. Кажется, что после того, как от возможности напечатать роман отказался журнал «Мир Божий» (МОГИЛНЕР 1999: 122), Арцыбашев решил написать повесть о совсем противоположном герое, абсолютном альтруисте; в таком случае многое в намерении писателя изобразить именно такой характер, каким представлен Ланде, стало бы

понятнее: это мог быть отчасти каприз, отчасти попытка выстроить контрастный тип человека и дать повод к сравнению.

Начнем с конца – или с начала? Рассказ ведь называется «Смерть Ланде» – и Ланде в конце действительно умирает. Он умирает один, в лесу, всеми забытый, больной, на мгновение на него недоверчиво смотрит только заяц. Даже мужики, которые нашли его труп, не похоронили его – слишком сильный дурной запах, идущий от трупа, воспрепятствовал им это сделать. Как говорится в последнем предложении рассказа: *«На этом месте из года в год особенно густо и радостно рос папоротник.»* (АРЦЫБАШЕВ 1994). Разве так – одинаковыми, в лесу, далеко от всех – умирают те, кто делают добро? Не напоминает ли это последнее предложение повести высказывание Базарова в беседе с Аркадием Кирсановым: *«А я и возненавидел этого последнего мужика, Филиппа или Сидора, для которого я должен из кожи лезть и который мне даже спасибо не скажет... да и на что мне его спасибо? Ну, будет он жить в белой избе, а из меня лопух расти будет; ну, а дальше?»* (ТУРГЕНЕВ 1897: 149) Но Базаров – один из прототипов лишнего человека. Вряд ли можно предполагать, что Арцыбашев воспользовался такой параллелью нечаянно – она же очевидна. Значит, стоит задуматься над тем, какое добро и по отношению к кому представляет собой Ланде и его деятельность.

Вопрос о добре, альтруизме, помощи угнетенным и т.д. стал насущим на рубеже 19-20 веков, тогда, когда его стали подчеркивать и Достоевский в Братьях Карамазовых и Идиоте, и Вл. Соловьев в своей триаде добро – красота – истина и в теоретической работе «Оправдание добра», и Л.Н. Толстой, который в своей «Исповеди» и «В чем моя вера» разработал теорию непротivления злу насилieм. Все по-своему решили не только назревший вопрос, связанный с вышеприведенной ломкой в обществе, загружающей индивида ответственностью за самого себя больше, чем когда-либо в истории. Нельзя не привести тут имя Ницше, сверхчеловек которого, наделенный правом играть другими в своих целях, многих провоцировал к размышлениям над вопросом о добре.

Задумываясь над вопросом о том, насколько все поступки Ланде представляют собой олицетворение добра, надо задать вопрос: Какое добро Ланде, по сути дела, сотворил? По отношению к кому он оказался добрым; как его поступки помогли тем, кто его окружали и кому надо было оказать помощь, кого надо было поддержать, кого надо было оберегать от зла?

По отношению к рабочим вершиловской мельницы Ланде поступает так, что деньги, сбереженные его отцом и доставшиеся ему по наследству, передает посреднику Шишмареву, чтобы тот передал их рабочим, причем не требует, чтобы деньги использовались на определенные формы помощи. Четыре тысячи рублей, о которых никто не просил, а которые Ланде сам решил отдать, могут, значит, и помочь рабочим, но могут

и растратиться полностью или отчасти – текст повести не дает ответа на вопрос о целесообразном использовании этих денег. Рабочие не поблагодарили Ланде за помощь, так что под вопросом остается, получили ли они эти деньги, помогли ли им они. Во всяком случае – текст не содержит никакой информации о содеянном добре, а лишь о жесте, о благодарном поступке Ланде.

Вторым, кто по мнению Ланде, нуждается в помощи, является Семенов – человек больной, обреченный на смерть, постепенно злящийся не весь мир и принимающий смерть только так, что желает ее всем другим существам, которые обречены на то, что его ждет в близком будущем. Уехав в Ялту на лечение, написав Ланде отчаянное и злящееся на весь мир письмо, он – по мнению Ланде – нуждается в помощи. Ланде решается поехать в Ялту, но, не собрав деньги на поезд, идет туда пешком. Простудившись, Ланде гибнет на пути к Семенову – захотев помочь другу (причем под вопросом стоит, насколько Ланде и Семенов остаются друзьями после отбытия Семенова в Ялту, так как их последний разговор оказался не очень дружеским), не сумел ничего для него сделать. Семенов, даже, кажется, никогда не узнает, что Ланде сочувствовал ему и что умер в дороге к нему. Значит, оказать ему помощь на деле, какой бы она ни была, Ланде не смог.

Не помог Ланде и Ткачеву – тот сначала последовал за идеями Ланде, но он не смог при их помощи улучшить свое голодное существование и стал красть. Вместо почтения наступило разочарование и даже желание отомстить Ланде, так как Ткачев мнит, что именно идеи Ланде воспрепятствовали ему вести себя так, чтобы можно было нормально существовать в обществе таком, какое оно и есть. Когда после нескольких перипетий, включающих эпизод попытки обокрасть самого Ланде, Ткачев возвращается к Ланде, усмотрев в нем нового проповедника, Ланде отказался от такой роли и, значит, обманул его доверие. Ткачев, кажется, представляет собой тип человека, которому нужна какая-нибудь вера, «путь», по которому надо идти, но сам такого пути не знает, не находит, а ждет направления извне. Когда он убедился, что Ланде по своей вере действительно поступает, он к нему возвращается, усмотрев в нем именно того, кого он ищет – праведника, который способен будет направлять на правильный путь не только его, а всех. Когда ему Ланде отказывает, Ткачев терпит крушение. Кажется, и по отношению к Ткачеву никакого добра не выходит, так как он чувствует себя обманутым, покинутым, оставленным без помощи и как одиночка, и как «изобретатель» новой религии.

Ланде не сотворил добра и по отношению к Молочаеву. Молочаев стоял отчасти в стороне, идеи Ланде его не очень интересовали, но он представлен в тексте повести как герой, обладающий физической силой. Он способен ее применить, защитить себя и других от физического насилия – Ланде в таком случае, как показывает текст повести, не

способен уберечь ни себя, ни Марью Николаевну. Хуже того – Ланде и в голову не приходит, что можно было бы защищаться. В отличие от Ланде, Молочаев действует не словом, а реально, прямо. Ланде помешал ему в любви к Марье Николаевне, так что Молочаев стал Ланде ненавидеть. И в этом, однако, проявляется основное противоречие между Ланде и Молочаевым – Молочаев наделен не только силой, но и эмоциями, которые взаимосвязаны с ней. У Ланде таких нет ни энергичных эмоций, ни физической силы. Он даже неспособен на активную физическую любовь к Марье Николаевне, которая ее естественно ожидает. Ее женское начало проявляет себя в ожидании не только склонности, вежливости, почтения, но и в ожидании физической любви.

Сама Марья Николаевна в момент, когда ей пришлось выбирать между Молочаевым и Ланде, выбрала именно Ланде. Потом она стала в глазах города его невестой, заботясь о нем, когда заболел, но в решающий момент получает от Ланде отказ. Он не способен на физическую любовь, для него любовь возможна лишь на уровне единения душ. Марья Ивановна чувствует себя осрамленной по сути дела дважды: во-первых, в глазах города, так как провела ночь с Ланде, во-вторых, в своих мыслях, так как ее тело чувствовало, что не только единение душ, но и единение тел создают полную любовь. (Опять можно напомнить о тургеневских героях – они не способны серьезно любить, отношение к женщине становится для них камнем преткновения и специфической проверкой их характера.) Помог ли ей Ланде тем, что отказал ей в том, что она считала само собой разумеющейся составной частью настоящей любви? Оказался он тем, кто способен вносить добро, гармонию, счастье в жизнь и мысли окружающих его людей?

Фирсов и его сын, в чью жизнь Ланде тоже вмешался, пытаясь воспрепятствовать физическому наказанию и травле ребенка, не имеют никакой пользы от его поступка, когда Ланде на короткое время спас мальчика от порки. Фирсов Ланде возненавидел и пишет на него донос, а своего сына он будет «воспитывать», т.е. пороть, и в будущем.

Остается Соня. Она, кажется, является единственным человеком, который верит в Ланде и в им проповедуемые идеалы еще и тогда, когда он уходит из города к Семенову. Но она слаба, она несамостоятельна, она – только тень Ланде, без него, т.е. без поддержки кого-нибудь, ничего не выйдет.

С матерью Ланде давно разошелся, между ними встала стена, когда она стала переубеждать Ланде и стала защищать имущество, доставшееся Ланде в качестве наследства. Все последующие контакты Ланде с матерью оборачиваются провалом возобновить теплые чувства и гармонию между ними.

Ланде, проповедующий любовь, понимание, помощь кому-угодно, действующий всегда так, чтобы никого не обидеть, никому не причинить зла, а преподносящий только добро, терпит крушение. Как только

натывается на активно действующего персонажа, Ланде оказывается пассивным, уступающим. В чем дело? Никто не понимает Ланде? Кажется, нет – все они понимают, о чем он говорит, чувствуют, что он живет по своим словам, не обманывая ни других, ни себя. Но их чувство жизни – плотской, «материальной», активной – не совпадает с тихим, покорным, каким-то даже безжизненным поведением Ланде.

Окружение не понимает Ланде или Ланде не понимает никого из своего окружения? Ведь такой абсолютный разлад трудно понять в случае героя, который проповедует добро и во имя добра способен терпеть, отказаться от имущества, от комфорта, от своей пользы, от своей личной жизни, от любви, даже от тех, кто способны считать его святым, что однако, близко почти ироническому выражению блаженнейший, как назвал его Семенов, или суровому определению Молочаева – юродивый.

Неудивительно, что в тексте очень часто в связи с Ланде встречаются выражения *один* или *одинокий*. Таким он и умирает – одиноким.

К счастью – литература не сама реальная жизнь. Арцыбашев пользуется возможностью создать модель абсолютно доброго человека, почти праведника и в критических ситуациях показать некоторые из возможных поступков последовательно действующего персонажа. Совершенно альтруистический Ланде служит писателю моделью, своеобразным пробным камнем. Оказывается, насколько можно судить по тексту повести, последовательное идеальное добро и реальная жизнь как-то не ладят.

Наиболее наглядным это становится именно в отношении Ланде и Марьи Николаевны. В определенном смысле смерть Ланде намечается не только в конце повести, а именно в том, что он не способен на физическую любовь, или же, она ему чужда, не вмещается в его понимание любви. Марья Николаевна, чувствуя любовь к Ланде, несколько раз ощущает свое тело, свое плотское бытие – оно ей подсказывает, что вместе с любовью душевной связаны и физические приметы любви. Она как молодая женщина ожидает от любви и физическое наслаждение, она хочет любить плотской любовью, она готова рожать детей. Отказ Ланде от физической любви – это по сути дела отказ от рождения детей, т.е. от продолжения жизни. Это – тест учения Ланде. Ланде не выдерживает этот тест – истинное добро, учитывающее сущность человека, добро так сказать естественного порядка ведь не может приводить к тому, что не станет детей. Именно в этой ситуации наиболее наглядно отвлеченное начало идей Ланде.

Ланде как проповедник действует так, что по сути дела предлагает от себя и идеи, и, в определенной мере, практические примеры того, как он себе представляет добро. Но если Вл. Соловьев в своей работе учитывает факт, что надо поддерживать в людях не все, чего они захотят, а только то, что считается положительным, то Ланде защищает и вора

и насильника Ткачева, зная, что он когда-то был сторонником его учения и что только определенные неблагоприятные условия привели его к краже и к насилию. Дело в том, что Ланде не осуждает его насильственное поведение, а принимает все, что Ткачев делает, защищает его и в момент, когда бешенный от злости Молочаев защищает Марью Николаевну от нападения. Интересно в данный момент то, что как раз – кажется в первый и в последний раз – Ланде способен на определенное проявление силы, энергии.

Ланде преподносит свое понимание добра другим, не спрашивая их, хотят ли они этого или нет. Это касается и Фирсова, и Молочаева, и рабочих, и наконец, Семенова. Все как индивидуумы обрисованные персонажи, однако, постепенно убеждаются в том, что такое добро, т.е. добро по идеям Ланде, не помогает им жить такой жизнью, которой они жаждут. Именно поэтому Ланде оказывается без друзей, без их поддержки. Он не стал новым Христом, которого на смерть осудили враги, а он гибнет сам от себя, не от врагов.

Факт, что Арцыбашев намекает на толстовство, ясен. Он пытается в своей модели такого поведения, доведенного до ландевского абсолюта, показать, что такое полное добро в реальной жизни вряд ли возможно. Он подбирает эпизоды, которые позволяют в обостренном виде подвергнуть главного персонажа тесту, позволяющему показать, насколько живущим и реальным является такой идеал добра. Оказывается, добро как этическая категория, отождествляется с определенным абсолютом, который, однако, стоит подвергнуть проверке в реальной жизни. В ней человек ищет совмещения этических принципов с тем, что подсказывают ему и его телесные, плотские чаяния, и его тяготение к личному счастью. Совместить личные интересы с интересами других так же, как и найти гармоническое соотношение возвышенных идеалов духовного порядка с самыми элементарными требованиями физической жизни – сложно. Одностороннее, полное предпочтение одного или другого начала бессмысленно. Стоит в этой связи напомнить о том, как именно к этой проблеме подходит Вл. Соловьев в своей работе «Оправдание добра»: *«Основное нравственное чувство стыда фактически заключает в себе отрицательное отношение человека к овладевающей им животной природе. Самому яркому и сильному проявлению этой природы дух человеческий, даже на очень низких степенях развития, противопоставляет сознание своего достоинства: мне стыдно подчиняться плотскому влечению, мне стыдно быть как животное, низшая сторона моего существа не должна преобладать во мне, — такое преобладание есть нечто постыдное, греховное. Это самоутверждение нравственного достоинства – полусознательное и неустойчивое в простом чувстве стыда действием разума возводится в принцип аскетизма.*

Предмет отрицательного отношения в аскетизме не есть материальная природа вообще. Нельзя найти такой точки зрения, с которой бы можно было разумно утверждать, что эта природа, объективно созерцаемая – в сущности ли своей или в явлениях, – есть зло» (СОЛОВЬЕВ). Значит, и такой авторитетный мыслитель 19-го века признает человеку право на проявления своих естественных потребностей, не считает их несочетаемыми с добром. Ланде по сути дела – проповедник аскетизма. И хотя Соловьев предполагает, что это чисто рациональная операция, у Ланде она становится сочетаемой с божественным. Рациональное начало, кажется, сокрыто в том, что Ланде отождествляет аскетическое по сути дела отречение от имущества, от благополучия, от телесной любви. Проблема Ланде заключается в том, что он идеалы аскетизма доводит до абсолюта и живет по этому абсолюту. Его окружение это видит и оценивает. Ланде для них, с одной стороны, пример, с другой стороны он для них неприемлем, потому что они не хотят стать аскетами. Когда дело доходит до конфронтации их жизненных целей с идеями, проповедуемыми Ланде, то они чувствуют, что ландевские идеи препятствуют им жить по-своему, по своим идеалам – и Ланде становится для них то неприемлемым, то даже врагом, диктующим им своим поведением и иногда и словами его же идеалы. На примере Ланде Арцыбашев как будто демонстрирует то, что утверждает Заратустра Ницше: *«...повелевать труднее, чем повиноваться. И не потому только, что повелевающий несет бремя всех повинующихся и что легко может это бремя раздавить его.»* (НИЦШЕ) Ланде воспринимается в конце концов как тот, кто своим примером и своими действиями навязывает, (т.е. в определенном смысле повелевает) окружающим его людям свой способ мышления и поведения, иногда даже добровольно берет на себя их судьбы. И кончается раздавленным...

По нашему мнению, Арцыбашев этим тестом готовил почву для подобного, уже проделанного эксперимента, однако с совершенно другим героем. Через довольно короткий промежуток времени писателю, наконец, удалось опубликовать роман «Санин», героем которого стал еще до Ланде во многих своих качествах как раз противоположный тип молодого человека. Но это – особая история.

Литература

- АРЦЫБАШЕВ 1994 = АРЦЫБАШЕВ М.П. Смерть Ланде // Арцыбашев М.П. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. Москва, 1994. Цитируется по: http://az.lib.ru/a/arcybashew_m_p/text_0170.shtml (доступ 17. 11. 2016)
- МОГИЛНЕР 1999 = МОГИЛНЕР М. Мифология „подпольного человека». Радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. Москва, 1999.
- НИЦШЕ = НИЦШЕ Ф. Так говорил Заратустра. Цитируется по: <http://lib.ru/NICSHF/zaratusra.txt> (доступ 18. 11. 2016)
- СОЛОВЬЕВ = СОЛОВЬЕВ В. Оправдание добра. <http://predanie.ru/solovev-vladimir-sergeevich/book/71554-opravdanie-dobra/> (доступ 18. 11. 2016)
- ТУРГЕНЕВ 1897 = ТУРГЕНЕВ И.С. Отцы и дети // ТУРГЕНЕВ И.С. Полное собрание сочинений И.С. Тургенева. Т. 2. С.-Петербург, 1897. 1-237.